

Как прекрасна иногда бывает жизнь! Много ли человеку нужно для счастья!

Именно это было написано на лицах всех без исключения прохожих, которые двигались по Невскому проспекту в обе стороны — к Адмиралтейству и к площади Восстания. Еще бы не радоваться, когда на календаре самое начало мая, а солнце светит совсем по-летнему. И все это ведь уже четвертый день, так что даже самые недоверчивые отважились наконец снять теплые пальто. Почки на деревьях давно уже сообразили, что пора, и полопались, и деревья радовали теперь глаз нежной зеленью. Блестели чисто вымытые витрины магазинов, в витринах отражались нарядные приветливые люди, скалящиеся от полноты чувств собаки и надраенные машины. В такие дни весь город счастлив.

Ирина мало чем отличалась от остальных. Как и у всех, у нее на губах бродила мечтательная улыбка. Хотелось поднять лицо к ласковому солнышку и застыть так на неопределенный срок. Однако на Невском проспекте не засты-

нешь — сметут. Ирина двигалась в толпе, поглядывая на витрины и машинально окидывая взглядом встречных женщин. Многие одеты уже совсем по-летнему. Интересно, как бы на ней смотрелись эти коротенькие брючки...

В эту минуту на нее с размаху налетел кто-то шумный, толстый и запыхавшийся. Некто был в сером и бесформенном, но Ирина поняла все же, что это женщина. Посыпались на тротуар какие-то пакеты и кульки, дама в сером стремительно нагнулась и боднула Ирину головой в живот.

— Простите! — завопила она, хотя Ирина не успела еще выразить недовольство. — Ради бога, простите, я не нарочно!..

— Катька! — изумленно вскрикнула Ирина, узнав по голосу свою подругу Катю Дронову. — Катерина, неужели это ты?

— Ой, — Катя села прямо на асфальт, — Ирка! А я тебе не узнала в темных очках! И еще этот костюм...

— Что костюм? — удивилась Ирина.

— Костюм новый и сидит на тебе отлично, — сказала снизу Катерина без всякой зависти. — Цвет тебе очень идет, правильно его выбрала, с таким цветом главное — в оттенке не ошибиться.

Ирина тут же подумала, что вкус у Катьки, конечно, есть, и чувство цвета, и все остальное, не зря же она художница. Но сама она одеться, увы, совершенно не умеет. Вот и сейчас — весна

ведь, всем хочется выглядеть понаряднее, а на подруге такой балахон, что поискать.

Они собрали многочисленные Катькины пакеты, и Ирина попыталась отряхнуть серую хламиду.

— А, брось, — Катя махнула рукой, — это же пыльник! Пыльник — чтобы пыль собирать, значит, пыли на нем не должно быть видно.

Ирина отвернулась, чтобы не засмеяться. Катька в своем репертуаре.

— Я так рада тебя видеть! — болтала та. — Слушай, мы же почти месяц не виделись!

— А что ж не звонила-то? Я знаю, что ты, когда работаешь, отключаешь телефон.

— Я звонила, — стала оправдываться Катя, — а у тебя включен бездушный автоответчик. «Ах, Ирине Снегиревой звоните с девяти до часу!» Безобразия какое! А если я работаю по ночам, а до часу...

— А до часу ты спишь, — подхватила Ирина и рассмеялась.

— И очки темные нацепила, — беззлобно улыбалась Катя. — Тоже мне, знаменитая писательница детективов! Читала твоё интервью в газете. И по телику смотрела.

— Ты же телевизор никогда не включаешь?

— Тетка позвонила, кричит: «Включай скорее телевизор, там такое!» Я уж думала, не дай бог, какой теракт или государственный переворот. А там ты в ток-шоу участвуешь!

— Слушай, что мы встали посреди дороги? — спохватилась Ирина. — Давай зайдем куда-нибудь, посидим. Вот сюда хотя бы, — она кивнула на вывеску кафе.

— Слушай, мне жутко некогда, — отмахнулась Катя, и Ирина изумленно вытаращила глаза.

Чтобы Катька отказалась от еды? Да они с Жанной, третьей их подругой, чего только не делали, чтобы заставить Катерину не есть столько сладкого и вообще есть хоть чуть-чуть меньше, предрекая, что, если так будет продолжаться, Катька не влезет ни в одно платье и не войдет ни в одну дверь. Все было напрасно. Даже когда Катерина почти год путешествовала по Европе и бегала там как ненормальная по музеям, даже тогда она вернулась домой посвежевшая, загоревшая, но с абсолютно такой же фигурой. Даже когда Катька второй раз вышла замуж, кстати, на взгляд Ирины, весьма необдуманно и скоропалительно, и муж, профессор Кряквин, оказался убежденным вегетарианцем и фанатом здорового образа жизни, Катерина умудрилась не похудеть. Правда, как выяснилось позже, она тайком от мужа норовила слопать в каждом кафе на пути бутерброд или пирожное.

И вот теперь эта самая Катерина отказывается зайти в кафе. И это после того, как они не виделись почти месяц!

Ирина пристально поглядела на подругу. Если не обращать внимания на Катькины вечно

растрепанные волосы, абсолютное отсутствие косметики и жуткий балахон цвета крысиной шерсти в дни весенней линьки, выглядела подруга как всегда. Немножко осунулась, и под глазами темные круги, но это от усталости.

— Что так смотришь, думаешь, не заболела ли я?

— Сейчас же говори, что у тебя стряслось! — строго велела Ирина. — Я тебя все равно не отпущу!

— Ладно, — Катя взглянула на часы, — минут сорок у меня еще есть.

И они синхронно свернули в сторону кафе.

— Ирка, ты не представляешь, что со мной произошло! — начала Катя сразу, как только заказала два бутерброда с ветчиной, кусок торта со взбитыми сливками и корзиночку с фруктами.

Ирина вначале обрадовалась, что перед ней прежняя Катька, но потом не выдержала и нахмурила брови. Пришлось Катерине отказаться от калорийного капучино и взять просто черный кофе без сахара. На Ирину она глянула, явно ожидая одобрения своему героическому поступку, но никакого особенного одобрения не нашла. Решив, что обидеться она всегда успеет, а похвастаться можно прямо сейчас, Катя приступила к рассказу.

— Сплю я как-то утром, и вдруг звонок телефонный. Представляешь, так трезвонили, что пришлось вставать!

Ирина кивнула: она-то знала, что утром Катерину не разбудишь, даже если выстрелить под окном из пушки. Если и удавалось кому-то совершить такой подвиг, на этого человека изливался такой поток слов, что не позавидуешь. Ирина представила, что Катерина высказала неизвестному телефонному абоненту. Выходило, что ничего хорошего.

— Взяла я трубку и думаю, если не туда попали, то я прямо не знаю, что сделаю! — продолжала свое Катя. — Оказалось, как раз я им и нужна. Срочно, говорят, Катерину Дронову к телефону! Я — на часы, а там — восемь утра! Конечно, я расвирепела. Вы что, говорю, с ума сошли в такое время творческого человека беспокоить? Даже прощения не попросили, а, видишь ли, им срочно! Там баба какая-то немного спеси поубавила. Извините, говорит, не думали, что в такое время для вас рано. Какое такое время? Не знаю, говорю им, как вы, а я не на заводе работаю, так что встаю не рано, уж извините за прямоту.

— Ты, Катерина, нервная какая-то стала, — заметила Ирина. — Нельзя же так с незнакомым человеком разговаривать.

— Ты слушай, что дальше было! — перебила Катя. — Эта тетка мне и отвечает в таком духе, что она, мол, тоже не на ткацкой фабрике работает и не к семи на работу ходит. А работает она в художественной галерее «Арт Нуво», и рабочий день у них начинается в половине одиннад-

цатого. А сейчас второй час дня, так что она никак не думала, что меня побеспокоит. Я гляжу на будильник, а он, оказывается, стоит давно. А я все сплю и сплю...

— Ну ты хороша спать, — улыбнулась Ирина: всерьез сердиться на Катку она не умела. — А что дальше было?

— Разобрались мы с будильником, а потом та дама и говорит, что меня приглашают участвовать в выставке «Грани женственности» и, если я согласна, нужно прямо сегодня приехать к ним все обсудить.

— Слушай, но это же здорово! — восхитилась Ирина. — У тебя же еще ни разу не было выставки!

— Да, представляешь, — захлебывалась Катя, — это тебе не то что одну-две работы сунуть куда-нибудь, там их и не видно среди всех. А здесь не персональная выставка, конечно, нас трое, но все равно повезло!

— Я о них читала в каком-то журнале, и не раз, «Арт Нуво» — очень престижная галерея. Катка, у тебя дела теперь пойдут в гору!

— Эх, жаль, выпить шампанского нельзя, — вздохнула Катя, — мне еще сегодня в выставочную комиссию надо. Ничего, на открытии уже оттянемся как следует!

Она обрадовалась подошедшей официантке как родной и тут же взялась за очередной бутерброд.

— Одного не пойму, — спохватилась Ирина, — что же ты раньше ничего не сказала, радостью не поделилась?

— Сглазить боялась, — виновато улыбнулась Катя. — Сама знаешь, какая я в этом плане невезучая.

Что правда, то правда, здесь Ирина спорить не стала. Катины панно хоть и были, на ее взгляд, выполнены с фантазией и вкусом, почему-то продавались не быстро. Их общая подруга Жанна со свойственной ей прямоотой заявляла, что Катька просто ленивая, работает медленно и что если бы она, Жанна, каждый раз, когда в ее нотариальную контору обращается перспективный клиент, ждала, когда ее посетит вдохновение, то давно уже протянула бы ноги и положила зубы на полку. Ирина, само собой, помалкивала, но в глубине души была с Жанкой согласна в том смысле, что Кате нужно быть с собой построже. Мало ли, не хочется работать! А ты себя заставь... Но она не вмешивалась, потому что точно знала, что скажет на это Катя. Дескать, Ирина слишком рассудочная и холодная, всегда сначала подумает, а потом уже делает, все знает наперед, никогда не отступает от намеченной цели и так далее. Разговор обязательно закончится ссорой, а этого Ирина как раз не хотела.

— Понимаешь, какая штука оказалась, — заговорила Катерина с набитым ртом. — Я потом у девочек в галерее выяснила. Они решили

собрать вместе трех прикладных художниц. Какая-то бабуля с вышивками, потом баба одна, у нее металлоконструкции разные, а вместо меня была ткачиха. Нет, не ткачиха, а просто дама, которая ткёт вручную холсты в старинной вологодской технике. Самое главное, что их нужно белить на первой росе. Или на первом снегу, точно не помню. Но только обязательно выходить нужно босиком!

— Красивые холсты? — оживилась Ирина.

— Не знаю, — отмахнулась Катя, — я их никогда не видела. Но это сейчас модно: ручная бумага, ручная керамика, ручные холсты, старинные рецепты... Короче, эта дама приготовила десяток холстов для выставки, а тут к ней приехали невестка и внуки-близнецы шести с половиной лет.

— Из Вологодской области? — понимающе уточнила Ирина.

— Кажется. В общем, двое малолетних бандитов залили бабушкины холсты фиолетовыми чернилами. Невестка испугалась и постирала их в стиральной машине, причем решила, что раз холстина, то нужно стирать как постельное белье из хлопка — активный отжим и кипячение. Опять же понадеялась, что чернила отстираются.

— Ужас какой! — вздохнула Ирина.

— Ужас был, когда они вытащили из машины комок сиреневых ниток, — подвела Катя черту под этим сюжетом.

— Я бы на месте свекрови эту невестку вместе с бандитами самих запихнула в стиральную машину, — фыркнула Ирина.

— Наверное, она тоже хотела, — согласилась Катерина, — но не успела, от расстройства в больницу попала с нервным припадком. Новые холсты ей до выставки уже никак не сделать, это же первого снега нужно ждать. Жалко тетку, но мне зато повезло.

— Да уж.

Катя вдруг заторопилась, благо за разговором вся еда незаметно оказалась съедена.

— Завтра работы отвозить, а у меня еще конь не валялся. Потом три дня буду посвободнее — созвонимся.

Ирина поглядела вслед удаляющейся Каткиной фигуре в дурацком балахоне и поняла, что, если они с Жанкой немедленно не вмешаются, подруга их будет выглядеть на выставке как пугало. Конечно, в художественный процесс они вмешиваться не станут, Катерина сама знает, как и что ей изображать на своих панно. Но вот заняться Каткиным внешним видом просто необходимо.

Катя вихрем ворвалась в свою квартиру. В мастерской ее дожидалась последняя неоконченная работа, которую уже завтра нужно отвезти на выставочную комиссию.

Собственно, панно было практически закончено, но Катю что-то в нем не устраивало,

чего-то такого здесь не хватало, какого-то последнего аккорда, что ли. Вот и сейчас, вбежав в мастерскую и включив яркий верхний свет, она тяжело вздохнула. Панно красовалось посреди комнаты, натянутое на специальную раму. На нем были два всадника, медленно едущие через ночной сад, точнее, всадник и всадница — прекрасный восточный принц в серебристой чалме и расшитом золотом наряде и красавица с миндалевидными глазами, томно поднятыми к небу. Арабские скакуны застыли, изогнув шеи и скосив глаза на седоков. Казалось, от панно исходит пряный аромат южной ночи, слышится пение соловья... Но чего-то все равно не хватало!

Катерина схватилась за голову. Нужна была всего одна деталь, чтобы работа обрела законченный вид. Всего одна, но очень яркая деталь!

Обведя взглядом мастерскую и не найдя совершенно ничего подходящего, Катя решилась на ужасное преступление. Она воровато огляделась по сторонам и прокралась в кабинет мужа.

Собственно, красться не было никакой необходимости. Катин муж профессор Кряквин не услышал бы ничего, даже если бы она топала как слон и исполняла по пути обрядовые песни народов Севера, сопровождая их игрой на бубне. Профессор находился очень далеко, в другом полушарии, Катя даже не знала точно, на территории какого государства он может быть в эту минуту. Дело в том, что профессор зани-